

ДОБРОВОЛЬНОЕ ИНФОРМИРОВАННОЕ СОГЛАСИЕ ПАЦИЕНТА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ И ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Безруков Юрий Иванович

Старший преподаватель, Уральский государственный
юридический университет
roa@ru66.ru

VOLUNTARY INFORMED PATIENT AGREEMENT IN THE SYSTEM OF LEGAL AND SOCIAL SOCIETY: STATEMENT OF THE PROBLEM

Yu. Bezrukov

Summary. Consideration of awareness as a phenomenon of social reality implies its systemic understanding in the context of such phenomena as "legal awareness", "informational meaning", "informational perception", "information honesty", "special knowledge". Analyzing awareness as a social phenomenon, the author notes that it is characterized by such cognitive characteristics, which imply a reduction in the uncertainty of knowledge about the phenomenon, knowledge of activities, actions, events, which involve many general social factors, including those that are not covered by law. The specificity of such knowledge lies not so much in the technological process of its assimilation by the individual, but primarily in the value aspect, which implies an assessment of knowledge as truthful, fair, convincing, reliable, etc. the author comes to the conclusion that awareness is not just the end result of mastering the information, as it seems at first glance, it is a state of competition among interested parties. In this case, not only facts, but also relationships are also important, and sometimes more important.

The article discusses the specifics of awareness in relation to the field of medical law, in particular, on the example of the patient's voluntary informed consent in the provision of medical services to him. The author sees at the same time some methodological defects of special knowledge, including in relation to the voluntary informed consent of the patient.

Based on the consideration of the doctrine of voluntary informed consent of the patient, it is concluded that there is no moral platform of voluntary informed consent of the patient in the Russian Federation and its contradictory legal nature.

Keywords: awareness, special knowledge, voluntary informed consent of the patient, legal awareness, methodological defects of special knowledge.

Аннотация. Рассмотрение информированности как явления социальной действительности предполагает её системное осмысление в контексте таких явлений как «правовая информированность», «информационный смысл», «информационное восприятие», «информационная добросовестность», «специальные знания». Анализируя информированность как социальное явление, автор отмечает, что для него характерны такие когнитивные характеристики, которые подразумевают уменьшение неопределенности знания о явлении, знания о деятельности, действии, событии, в которых задействованы многие общесоциальные факторы, в том числе и такие, которые не охватываются правом. Специфика такого знания заключается не столько в технологическом процессе его усвоения личностью, сколько прежде всего в ценностном аспекте, который подразумевает оценку знания как правдивого, справедливого, убедительного, надежного и т.д. автор приходит к выводу о том, что информированность — это не просто конечный результат освоения информации, как это кажется на первый взгляд, это состояние состязательности заинтересованных сторон. В данном случае также важны, а иногда и более важны не только факты, но и отношения.

В статье рассматривается специфика информированности применительно к области медицинского права, в частности, на примере добровольного информированного согласия пациента при оказании ему медицинских услуг. Автор усматривает при этом некоторые методологические дефекты специального знания, в том числе применительно к добровольному информированному согласию пациента.

На основании рассмотрения доктрины добровольного информированного согласия пациента делается вывод об отсутствии нравственной платформы добровольного информированного согласия пациента в РФ и его противоречивом правовом характере.

Ключевые слова: информированность, специальные знания, добровольное информированное согласие пациента, правовая информированность, методологические дефекты специального знания.

Бурное развитие в начале XXI века информационно-телекоммуникационной среды, цифровых технологий, обеспечили широкую доступность практически любой информации. Это привело к тому, что зачастую сложно определить, где проходит граница между общей информированностью индивида и его специальными знаниями. Например, если рассмотреть сферу медицины, то становится понятно, что информацией о болезнях, их клинических картинах, симптоматике, методах диагностики и лечении может обладать любой человек, не имеющий специального медицинского образования. Логичен вопрос: чем же он владеет: общими познаниями, или специальными медицинскими знаниями? Это представляет из себя важную методологическую проблему, которая будет рассмотрена на материале медицинского права в контексте проблемы информированного согласия пациента на медицинское вмешательство.

Правовая информированность как научная проблема в отечественном правоведении была сформулирована еще в советский период. Например, одним из первых о правовой информированности в 1981 г. упомянул Н.Я. Соколов, который трактовал правовую информированность как вид социальной информации, представляющей собой совокупность сведений обо всем, что связано с правом, механизмом его социального действия» [27, 37]. Автор этого определения затратил много усилий на исследование более общей проблемы — профессионального правосознания юристов как разновидности специального знания.

Проблему информированности рассматривал С.В. Боботов [9]. В развитие высказанных им идей, проблему факторов правовой информированности затронули В.В. Бородин и В.М. Бойер [12].

В.М. Бойер, в частности, отмечал, что «правовая информированность личности выступает как степень овладения правовой информацией, обусловленная образованием, правовым опытом, социальным статусом, интересом и психологической установкой индивида; правовая информированность является действенным инструментом реализации творческой роли права и позволяет гражданам наиболее полно использовать их демократические права и свободы. Она способствует формированию уважения к правовому закону, развивает правовое мышление, формирует правовую культуру, стимулирует социально зрелое поведение личности в правовой сфере [11, 7].

Общеправовые подходы, реализованные указанными исследователями в советский период развития юридической науки нашли свою поддержку в настоящее время. Так, Р.А. Осипов в статье «Правовое ин-

формирование: понятие и соотношение со смежными категориями» отмечает, что это «организационный, последовательный, комплексный процесс доведения компетентными субъектами ... сведений о праве и связанных с ним явлениях (правовой информации)» [21, 158].

В ряде исследований правовое информирование признают отдельной задачей государства [28].

Типы информированности рассматривает в своем исследовании И.А. Комелькова и В.Р. Унесихин [17]. Авторы выделяют 4 типа информированности: смешанный тип, умеренно информированный, слабо информированный и не информированный. Думается, предложенная авторами типология вполне допустима. Однако при всей логичности такого подхода авторы оставляют без внимания необходимость общеправовой дефиниции понятия «информированность», которую нужно рассматривать как знание вообще, но никак не специальное знание.

Н.В. Киселева в своей статье «Информированность, как фактор влияния на уровень удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления» [16] осуществила анализ влияния когнитивного фактора — «информированность» на уровень социальной удовлетворенности деятельностью органов местного самоуправления.

А.Н. Покида в работе «Правовая информированность российского населения» понятия «информированность» и «осведомленность» считает содержательно идентичными, и замечает, что «повышение правовой осведомленности придает населению больше оптимизма. Граждане больше видят положительных изменений в уровне правопорядка в стране, их меньше беспокоит потеря работы или неопределенность будущего. У них выше готовность защищать свои законные права, интересы» [24]. Ряд технико-юридических аспектов правовой информированности рассматривает Э.М. Аллаярова [5].

Важно понимать, что *информированность* — это свойство общего знания человека, которое формируется в процессе познания — т.е. процесса уменьшения незнания, процесса, снимающего неопределенность в результате получаемой информации. Например, человек обучается правовым наукам, юриспруденции, познает право, в результате этого процесса познания доля его незнания о праве уменьшается, человек становится информированным в конкретной области знания.

Если информация вообще, существующая, например, в управлении, в целом безлична, то информированность — это свойство личности, имеющее ценност-

но-этические характеристики, такие как достоверность, убедительность, надежность, значимость и т.д. Можно выделить различные виды информированности: политическую, правовую, медицинскую, бытовую, научную и др. Все они взаимодействуют между собой, предопределяя качество и эффективность процесса информированности.

Актуальность изучения информированности связана с тем, что в первой четверти XXI века мир вошел в новую эру,— эру производства и распространения знаний. В современной цивилизации доминирует экономика знаний. В результате человек «вынужден знать то, на что имеет право, и это становится требованием времени, предела возможностей, с одной стороны, является ограничивающим фактором для борьбы с любыми проявлениями произвола для решения конфликтных и спорных вопросов. С другой стороны, это и есть свобода, предполагающая специфику действий и масштабы возможностей» [10,322].

Информация нередко воспринимается как функция рынка, «работающая» как на потребителя, так и на производителя. И. А. Мальковская, исследуя дискурсивные матрицы коммуникации, в том числе в сфере рынка, полагает, что социокультурная концепция коммуникации подразумевает обратную связь, или диалог. Автор утверждает: «в этой концепции важна не столько презентация готового информационного продукта, сколько создание атмосферы его формирования в процессе диалога. Коммуникация в таком случае понимается как процесс разделения знаний между журналистами, экспертами, публикой и политиками, в результате которых осуществляется полный обмен информацией, Рациональность как компонент выработки и принятия решения становится здесь лишь одной из составляющих общего процесса коммуникации, апеллирующей к чувствам, эмоциям, и здравому смыслу» [20, 157].

К пониманию важности научного определения информированности как общенаучной категории, приходит ряд отечественных ученых-юристов. Рассматривая эту категорию как одну из основных, исследователи приходят к мысли о том, что родовым понятием по отношению к понятию «информированность» выступает понятие «информация». Далее понятийный ряд дополняется понятием «информационная безопасность», «информационный смысл», «информационное восприятие» и т.д. Так, например, П. У. Кузнецов полагает, что категория «информационная безопасность» гораздо шире по своему объему, чем ее государственно-правовая интерпретация. «В ее понимание должны включаться общесоциологический смысл и роль обеспечения безопасности человеческой деятельности в современную информационную эпоху, т.е. не только безопас-

ность интересов субъектов, но и состояние защиты самой среды как общественного явления» [18, 17].

Ф. Х. Галиев, исследуя синкретизм правовой культуры в контексте становления правового государства, подчеркивает, что многие ученые анализируют объект-субъектные связи в праве через социальные взаимодействия людей в целом. Он приводит точку зрения авторов монографии «Право и культура», что «между личными убеждениями человека, его мотивами в социально значимых обстоятельствах и правовыми нормами, предписывающими в этой ситуации определенное поведение, не всегда складывается непротиворечивая связь. Массовые правовые идеалы, убеждения, оценки, поведение людей в области права формируются во многом самопроизвольно, через индивидуальную активность, через социальные взаимодействия людей в целом, которые законодательные и правоприменительные органы не в состоянии полностью поставить под свой контроль» [25, 36–37].

Приведенный краткий обзор мнений ученых-юристов по проблеме информированности, показывает, что подавляющее число авторов связывают информированность с состоянием обладания информацией определенного вида (прежде всего — правовой информацией). Данный подход исследователей не вызывает существенных возражений. Тем не менее, следует отметить следующее.

Рассмотрение информированности как явления социальной действительности предполагает его системное осмысление в контексте таких феноменов как «информационный смысл», «информационное восприятие», «информация», «специальные знания» и т.д. В свое время С. С. Алексеев обосновывая гуманитарные основания права отмечал, что гуманитарное начало права должно быть нормативно организовано. Это мнение может быть в полной мере отнесено и к информированности как социальному явлению. Ученый писал, что гуманитарное начало позитивного права «обособление отдельного человека от «целого», обретение им качества автономной личности, самостоятельного индивида с социально обусловленной необходимостью обеспечения его свободой, самостоятельной творческой деятельности, индивидуальности, а в этой связи — создание и развитие общественных форм, направленных на обеспечение свободы, самостоятельности, активности и предприимчивости личности... А отсюда — внедрение в жизнь общества, в саму его органику нормативных начал, соответствующих указанным человеческим ценностям» [6, 195].

Анализируя информированность как особое явление, важно отметить, что для него характерны такие

когнитивные характеристики, которые подразумевают уменьшение неопределенности знания о явлении, знания о деятельности, действии, событии, в которых задействованы многие общесоциальные факторы, в том числе и такие, которые не охватываются правом. Специфика такого знания заключается не столько в технологическом процессе его усвоения личностью, сколько прежде всего в ценностном аспекте, который подразумевает оценку знания как правдивого, справедливого, убедительного, надежного и т.д.

Обратимся в этой связи к прояснению специфики информированности, которая для правовой науки представляет интерес не меньший, чем специальные знания.

Как известно, суд в рамках своей профессиональной деятельности связан с необходимостью быть максимально широко информированным, обязан составить впечатление о волевых характеристиках участников процесса, моральной устойчивости, чувстве долга, глубине раскаяния и т.д. Экспертные данные здесь не могут иметь определяющее значение. В этой связи интересно мнение Б. Н. Алмазова, который полагает, что «здесь требуется умение соотносить независимые характеристики, извлекая достоверную и достаточную информацию из заведомо противоречащих друг другу сведений. Так что недоверчивость к мнениям и суждениям со стороны — профессиональные качества, быстро формирующиеся у тех, кто принимает судебные решения. Им приходится полагаться только на себя. Специальные знания тут уместны разве что для обобщения материалов по лжесвидетельству и добросовестным заблуждениям для методических рекомендаций и наставлений, но не более того. Обосновать прямое недоверие к показаниям конкретного человека (при отсутствии формальных оснований) невозможно, ибо речь идет не о фактах, а о суждениях. Еще труднее бывает высказаться о так называемой нравственной несостоятельности свидетеля. Любой работник суда прекрасно знает, что правосудие бывает вынуждено считаться с мнением людей, которые не испытывают стыда за лжесвидетельство просто потому, что участие в отправлении правосудия никак не затрагивает их маргинальных ценностных ориентаций» [7,130]. По мнению автора, это безусловно влияет на внутренние убеждения судьи, интуитивно чувствующего, с кем он имеет дело, но остается за пределами доказательственного права, ибо нет никаких оснований делить свидетелей не более или менее заслуживающих доверия в официальном порядке [7,130].

Таким образом, информированность — это не просто конечный результат освоения информации, как

это кажется на первый взгляд, это состояние состоятельности заинтересованных сторон. В данном случае также важны, а иногда и более важны не только факты, но и отношения. Н. Винер, определяя качественные свойства информации, определил ее общесоциальный характер, связанный со средой существования человека. Он полагал, что «информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособление к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [13,31].

Информированность в «режиме состояния», свойства сознания личности — это всегда взаимодействие, тогда как информация — это сведения, которые напрямую не связаны с взаимодействием субъектов. Информированность как когнитивный фактор в большей мере оценочное знание чем адекватное отражение действительности, хотя и этот элемент знания бывает в нее включен. Так, В. М. Розин полагает, что как и любой другой человек, потенциальный правонарушитель «существует в пространстве трех координат: в пространстве своей личности (реализации ее желаний, потребностей, форм и способов поведения и т.п.) в своеобразном правовом пространстве (знание законов, запреты и табу в обществе, страх перед наказанием и т.п.) и в пространстве своего воображения (замыслы, разрешения своего неблагополучия и проблем, переживание происходящих при этом событий и т.д.)» [26,182].

Теодор Адорно, обосновывая негативную диалектику, попытался уйти от привычных абстракций, в том числе и в праве. Он пришел к выводу, созвучному нашему представлению об информированности как когнитивном феномене. Автор утверждает, что «мышление само есть поведение, поступок, действие, поэтому в нем присутствует потребность, и прежде всего потребность жить» [3, 304].

Информированность как состояние, связанное с устранением неопределенности в явлении, ситуации, безусловно связано с сущностью информации (а также с ее получением, анализом, отрицанием, принятием). В то же время информированность одновременно находится в отношениях, связанных со всей совокупностью отношений в обществе. Мир вещей во многом определяет свойства информации (ее постоянные и временные, а также причинно-следственные характеристики).

Правовая информированность содержит строго определенный концепт — конкретную правовую информацию, результат специального познания, в то вре-

мя как информированность — это общесоциальная категория содержит весь спектр разнообразной информации (бытовой, нравственной, медицинской и т.д.).

Рассмотрим специфику информированности применительно к области медицинского права, в частности, на примере информированного согласия пациента при оказании медицинских услуг.

И.Г. Ломакина справедливо полагает, что современная модель отношений между пациентом и врачом, основанная на предпринимательской деятельности, предполагает *большую свободу действий со стороны пациента «и автономия воли, и недопустимость вмешательства в частную жизнь, и самостоятельность, и инициативность в беспрепятственном осуществлении собственных субъективных прав* наполняет отношения с участием пациента совершенно иным, новым содержанием» [19, 255]. Принято считать, что пациент является одним из наиболее уязвимых, даже беззащитных субъектов права, т.к. не обладая профессиональными специальными знаниями, он должен принять заключение врача о состоянии своего здоровья, о необходимом медицинском вмешательстве, о последствиях, связанных с отказом от медицинского вмешательства.

Доктрина информационного согласия пациента, выработанная в 50–60-х годах XX века в зарубежном праве, до сих пор не получила развития в отечественном законодательстве. В 1997 г. была принята Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [2]. В ст. 5 Конвенции содержится общее правило: «Медицинское вмешательство может осуществляться лишь после того, как соответствующее лицо даст на это свое добровольное информированное согласие».

Это лицо заранее получает соответствующую информацию о цели и характере вмешательства, а также о его последствиях и рисках. Это лицо может в любой момент беспрепятственно отозвать свое согласие». Таким образом, Конвенция устанавливает общие рамки защиты прав человека в медицине и биологии, провозглашая в ст. 1: «Стороны настоящей Конвенции защищают достоинство и индивидуальную целостность человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение неприкосновенности личности и других прав и основных свобод в связи с применением достижений биологии и медицины» [2].

Содержание правового института информированного согласия пациента составляют нормативные положения, согласно которым для медицинского вмешательства, характеризующегося наличием риска для жизни или здоровья пациента, на соответствующее

вмешательства должно быть получено его согласие, которое дается пациентом в установленной форме [8, 73].

Как отмечает в связи с этим Т.Г. Погодина, добровольное информированное согласие должно основываться на *предоставленной в доступной форме обстоятельной информации о предстоящем вмешательстве, вероятных осложнениях, возможных процедурах и условиях их осуществления и в этом смысле является средством обеспечения прав как пациента, так и лечащего врача* [23, 71]. Аналогичного подхода придерживается российский законодатель — в части 1 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [29]. Схожие правила закреплены в нормах международного права, в частности, в положениях ст. 5–10 Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины от 4 апреля 1997 г. [2], которую Россия не подписала.

В заданном контексте уместен вопрос о том, где проходит граница между собственно специальными (т.е. медицинскими) и обыденными знаниями. Как известно, отечественная правовая доктрина признает специальными знаниями, как правило, узкопрофессиональную сферу знаний, обусловленную спецификой образования и сферы деятельности конкретного лица (например, в области права, естественных наук, медицины и т.п.). Однако такой подход в прикладной плоскости обнаруживает ряд методологических дефектов.

Так, к примеру, подобная концептуализация в юридической доктрине и практике признается неприменимой в отношении правовых знаний (которые при таком подходе относятся к сфере специальных знаний). Обратимся в связи с этим к иностранному праву. Как пишут американские авторы Р. К. Ру и Н. Силвинг, в англо-саксонской правовой доктрине утвердился принцип, в силу которого знание права — это неопровержимая презумпция, поскольку знание действующих законов отражает содержание осмотрительности как общеправового принципа [31, 430]. Подобный подход нашел свое отражение и в практике судов Соединенного Королевства и США. Так, в деле *M'Naghten* [32], рассмотренном Палатой Лордов Соединенного Королевства в 1843 г., решался вопрос о гражданско-правовой ответственности лица, совершившего убийство заместителя Премьер-министра. Обвиняемый утверждал, что совершил преступление по политическим мотивам и вследствие сложности ознакомления с правом Англии ввиду его принадлежности к прецедентно-правовой системе не мог знать, что помимо уголовной ответственности за убийство он должен также понести гражданско-правовую ответственность перед Королевством. Однако

Суд отклонил его доводы, указав, что, понимая характер своих действий в уголовно-правовом аспекте, обвиняемый не мог не предполагать, что гибель Премьер-министра повлечет за собой неблагоприятные последствия для всего государства в целом, которые, безусловно, должны быть компенсированы, «ибо Корона лишилась возможности использовать личные качества и управленческие навыки потерпевшего во благо народа и государства». Еще более жесткая позиция по данному вопросу усматривается в деле *People v. Schmidt*, постановление по которому было вынесено Верховным Судом штата Нью-Йорк в 1915 г. В данном деле суд прямо указал, что «знание закона составляет моральный долг (курсив мой — Ю.Б.) человека» [33].

Кроме того, подход к определению специальных знаний, утвердившийся в отечественном правоведе-нии, не соответствует положениям ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации [1], из содержания которой вытекает презумпция знания закона в российском праве, основанная на том, что нормативно-правовые акты в Российской Федерации подлежат официальному опубликованию и доведению до всеобщего сведения.

По нашему мнению, ключевой признак специальных знаний — это необходимость овладения специальной методологией их интерпретации. Так, официальное опубликование нормативно-правовых актов делает нормы права, по сути, доступными каждому. Кроме того, в рамках утвердившегося в правосознании отечественного правоприменителя позитивистского подхода к праву вопрос о «специальном» характере юридических знаний по существу деактуализируется, поскольку для правоприменителя важно буквальное значение нормы, а не философско-правовые или политико-идеологические основания, составляющие ее сущность. В этом смысле юридические знания (тракуемые, безусловно, в узком смысле, т.е. как знание положений позитивного права) не могут быть отнесены к специальным.

Иная ситуация усматривается применительно к медицинским знаниям. С одной стороны, безусловно, учебные издания по различным отраслям медицины общедоступны. Однако лицо, не имеющее специального образования и практической подготовки, вряд ли сможет достоверно интерпретировать их содержание. Специальные знания в этом смысле требуют комплексной методологии осмысления; так, вряд ли лицо, не являющееся по образованию врачом, сможет понять содержание учебного пособия по нефрологии или стоматологии. Изложенное, по нашему мнению, приобретает особую актуальность в аспекте института добровольного информированного согласия, который предусматривает юридическую обязанность врача изложить пациенту существо возможных рисков и проце-

дуру медицинского вмешательства доступным языком. Ведь до тех пор, пока данные знания осмысливаются профессионалом на основании комплексного методологического подхода (т.е. с привлечением данных биологии, химии, физики и др.), они представляют собой специфические формы профессионального мышления и в этом смысле являются специальными знаниями. Однако квинтэссенция этих знаний, представленная, возможно, в более абстрактном и не вполне истинном (с методологической точки зрения) виде, но представляющая собой, по существу, именно *информацию*, а не *знание*, уже не составляет предмет специальных знаний.

В этой связи существенный исследовательский интерес представляет правовая позиция, выраженная Апелляционным судом округа Колумбия (США) в 2007 г. в постановлении по делу *Doeex. rel. Tarlow v. DistrictofColumbia*[30].

Обстоятельства дела заключались в следующем. Опекун недееспособной совершеннолетней гражданки США обратился в государственную медицинскую клинику федерального округа Колумбия, с тем, чтобы оформить в интересах своей подопечной договор возмездного оказания медицинских услуг, поскольку его представляемая высказывала жалобы относительно состояния своего здоровья. Медицинские работники в процессе обследования обнаружили, что у пациентки начался некроз поджелудочной железы, в связи с чем потребовалась срочная операция, которая могла привести к осложнениям. Однако врачи не смогли объяснить пациентке существо предстоящего медицинского вмешательства и, вопреки требованиям закона, произвели операцию, не получив от нее информированного добровольного согласия.

Опекун пациентки обратился в суд с иском к руководству больницы, требуя привлечь врачей к ответственности за неполучение добровольного информированного согласия пациентки, хотя в результате операции вред ее здоровью не был причинен. С позицией ответчика согласился суд первой инстанции, обязавший больницу выплатить пациентке компенсацию в размере 10 тыс. долл. Однако к иному выводу пришел суд апелляционной инстанции. Рассматривая дело, суд обратил внимание на то обстоятельство, что пациентка была недееспособна вследствие наличия у нее генетического заболевания, синдрома Дауна. Соответственно, она не могла правильно интерпретировать информацию, в отличие от человека, который не страдает таким заболеванием. Тем не менее суд отметил: «Знания в области медицины характеризуются тем, что требуют всестороннего подхода, широкого использования данных других естественных наук, который в свою очередь

формируется в рамках университетского обучения. Эти знания доступны не всем, а лишь тем, кто овладел принципами и методами их интерпретации. Соответственно, информируя пациента с целью получения добровольного согласия, врач должен суметь так выразить свое специальное знание, чтобы человек, не имеющий необходимых навыков для получения такой информации, мог без труда понять, о чем ему говорит врач — профессионал».

В Российской Федерации право на добровольное информированное согласие пациента изложена в статьях 20 и 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [29]. Так, в части 1 статьи 20 данного закона установлено, что «необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях метода оказания медицинской помощи, связанных с ними рисков, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи».

В части 8 статьи 20 определено: «Порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказ от медицинского вмешательства, в том числе в отношении определенных видов медицинского вмешательства, форма информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форма отказа от медицинского вмешательства утверждается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти».

Статья 54 указанного закона, устанавливающая права несовершеннолетних в сфере охраны здоровья, в пункте 5 части 1 определяет *право* несовершеннолетних на получение информации о состоянии здоровья в доступной для них форме. В части 2 установлено, что «несовершеннолетние в возрасте старше 15 лет или больные наркоманией несовершеннолетние в возрасте старше 16 лет имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него в соответствии с ... федеральным законом, за исключением случаев оказания им медицинской помощи в соответствии с частями 2 и 9 статьи 20 ... федерального закона».

Часть 2 статьи 20 данного закона устанавливает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство одного из родителей в целях установления состояния наркотического либо иного токсического опьянения, а часть 9 статьи 20 установ-

ливает возможность медицинского вмешательства без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители (в отношении лиц, указанных в части 2 статьи 20), и по некоторым другим основаниям.

Исходя из положений Федерального закона можно заключить, что имеется коллизия между частью 1 статьи 20 и частью 2 статьи 54.

Право — это прежде всего равенство, равные права граждан и равные возможности. Если в части 1 статьи 20 указанного закона информированное добровольное согласие является необходимым *предварительным* условием медицинского вмешательства, то следовательно, это обязывает медицинских работников предоставить пациенту достоверную информацию о медицинском вмешательстве, то по части 2 статьи 54 закона, несовершеннолетние «имеют право» на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него. В данной правовой норме отсутствует ключевая конструкция, согласной которой «необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия граждан ...»

Право может быть реализовано, а может быть не реализовано. Соответственно, обязанность медицинских работников по доведению до сознания пациента достоверной информации в доступной для него форме может иметь место, а может и отсутствовать.

Абсолютно очевидна неполнота приведенных нами норм права с точки зрения их регулятивного потенциала, которая неизбежно приведет к злоупотреблению правом со стороны врачей.

Также исходя из данных положений закона нельзя сделать вывод об очевидной ценности человеческой жизни. Закон абстрагировался от этических норм, от понимания человека как осуществляющего себя в определенных феноменах — в поступках, мыслях, символах, страхах, опасениях и так далее. Что означает «дать добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство»? Это не только цена здоровья или даже жизни, это, к сожалению, и цена этого медицинского вмешательства в финансовом плане, это угроза потери работы, это нравственная оценка человека с точки зрения долга, семейных обязанностей и многого другого. С учётом медицинской безграмотности населения безусловно, на первое место здесь выйдут страхи и опасения. С учетом финансовой несо-

стоятельности многих пациентов процесс получения данного согласия утрачивает всякий смысл. Пока же ситуация с состоянием информированности пациента в Российской Федерации никак не изменилось к лучшему.

Нравственная платформа информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство не претерпевает никаких изменений, что затрудняет использование соответствующей юридической конструкции на практике. Информированное согласие пациента в этой связи не может на сегодняшний день являться основой гражданско-правового регулирования отношений как при возмездном, так и безвозмездном оказании медицинских услуг. Следует согласиться с мнением И. Г. Ломакиной о том, что в отечественной медицинской и судебной практике информированное добровольное согласие пациента превращается в фикцию. «Согласие пациента на проводимое лечение в большинстве случаев превращена

в формальность, основным содержанием которой становится получение подписи пациента или его законного представителя под подписью врача: «С назначенным лечением согласен, о возможных осложнениях предупреждён». Причём подпись эта ставится до перечисления назначенного лечения; в медицинских картах амбулаторного больного подпись пациента о согласии на лечение, вообще, как правило, отсутствует. Закрепилось традиция при подготовке пациента к сложному медицинскому оперативному например вмешательству брать с него расписку в том, что исполнитель медицинской услуги не гарантирует ему положительного результата... и соответственно риски неблагоприятного исхода медицинского вмешательства пациент все берет на себя» [19,255].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о несовершенстве правовых конструкций информированности и добровольного информированного согласия пациента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. //Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS N164 (Принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.)//Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Адорно Теодор. Негативная диалектика / пер. с нем.Е.Л. Петренко. М.: АСТ. 2014. 511 с.
4. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
5. Аллаярлова Э. М. Правовая информированность населения в условиях современного российского общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2406–2410. [Алексеев С. С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 2009.
6. Алмазов Б. Н. Личность в правовом поле. Монография. Екатеринбург: Издательский дом УрГЮА. 2005.
7. Бажанов Н. О. Информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство: возрастные аспекты // Врач. 2011. № 10. С. 73–75.
8. Бажанов Н. О. Медико-правовые аспекты информированного добровольного согласия // Здравоохранение Российской Федерации. 2012. № 6. С. 12–19.
9. Боботов С. В. Роль правовой информации в формировании мотивов поведения // СССР-Болгария: правовая информированность личности. Сборник статей / Отв. ред.: Кудрявцев В. Н., Радев Я. — М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. 111 с.
10. Боер В. М. Правовая информированность и формирование правовой культуры личности (вопросы теории): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Петербургский институт МВД России. СПб., 1993. 22 с.
11. Бородин В. В., Боер В. М. Факторы правовой информированности личности // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел / Под общ. ред. С. Ф. Зыбина. СПб., 1993. С. 88–94.
12. Винер Н. Кибернетика и общества / Пер. Е. Г. Панфилова. — М.: Иностранная литература, 1958.
13. Галиев Ф. Х. Синкретизм современной правовой культуры. Монография. Уфа: РИЦБашГУ. 2011. 354 с.
14. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). М.: 1992. 181с.
15. Киселёва Н. В. Информированность, как фактор влияния на уровень удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления// Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 178–182.
16. Комелькова И. А., Унесихин В. Р. Информированность студентов о защите прав трудящихся // Master`s Journal. 2015. № 2. С. 283–288. С. 284. [Кузнецов П. У. Информационные основания права: Монография. Екатеринбург. Издательский дом УрГЮА. 2005. 204 с.
17. Ломакина И. Г. Информированное согласие пациента — основа гражданско- правового регулирования отношений при оказании платных медицинских услуг// Сравнительное правоведение и проблемы современной юриспруденции: Материалы международной научно-практической конференции (21–22 апреля 2005 г.): В 4 ч. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия». 2006. Ч. 1. 300 с. С. 251–257.
18. Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига. 2005. 240 с.
19. Осипов Р. А. Правовое информирование: понятие и соотношение со смежными категориями // Вестник СГЮА. 2015. № 3. С. 153–158.
20. Осипов Р. А. К вопросу о видах и уровнях правовой информированности // Правовая культура. 2015. № 4(23). С. 128–133.
21. Погодина Т. Г. К вопросу о добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство как неотъемлемое право пациента // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. Т. 30, № 2. С. 65–76.

22. Покида А. Н. Правовая информированность российского населения» понятия «информированность [Право и культура: монография / под ред. В. К. Егорова, О. Н. Астафьевой, Ю. А. Тихомирова, М.: Изд-во РАГС. 2009. 468 с.
23. Розин В. М. Генезис права. М.: Издательский дом «НОТА БЕНЕ», 2001. 205 с.
24. Соколов Н. Я. Правовая информированность общества: сущность и содержание // Советское государство и право. 1981. № 11. С. 37–44.
25. Трутанова А. В., Нуреева М. А., Исаева В. А. Хамидулин А. М. Правовое информирование молодежи // Символ науки. 2017. № 11. С. 77–91.
26. СПС «КонсультантПлюс».
27. Doeex. rel. Tarlow v. District of Columbia, 489 F.3d 376 (D. C. Cir. 2007).
28. P.K. Ryu, H. Silving. Error Juris: A Comparative Study // University of Chicago Law Review. Vol. 24: Iss. 3, Article 2. 1957. P. 430.
29. M'Naghten's Case, 10 Cl. & Fin. 200 (1843).
30. People v. Schmidt, 216 N.Y. 324, 340, 110 N.E. 945, 949 (1915).

© Безруков Юрий Иванович (roa@ru66.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный юридический университет